

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Людмила Зайцева: «ДУМАТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ И ВОЛНОВАТЬСЯ»

СО ВРЕМЕНИ окончания театрального училища им. Б. Шуккина в 1970 году Людмила Зайцева снялась уже более чем в двадцати фильмах. Но дело не в количестве сыгранных ролей. Героини Людмилы Зайцевой вошли в нашу жизнь чередой несхожих характеров, но единой для всех судьбой. Вот почему, наверное, актриса Зайцева в нашем сознании давно стала фигурой центральной, когда мы заговариваем или задумываемся над вечным образом русской женщины, ее прекрасной жизнью, сложной судьбой, ее неженской силой воли, такой красотой души, такой объективной реальностью и такой поэтичностью.

Все это Людмила Зайцева дарит нам в фильмах «А зори здесь тихие», «Домик на шпиль», «Ливень», «Здравствуй и прощай», «Печки-лавочки», «Праздники детства», «Цемент», «Строгий».

Героини всех фильмов, как в одну секунду, прорисовались в сознании, когда из-за угла дома, сквозь буйные высокие георгины, рассыпавшись флюиды и астр. меланхолию знакомое по экрану лицо Людмила Васильевна уже седьмой месяц выступает в своей главной пона роли —

— Людмила Васильевна, Ваша детская мечта осуществилась: Вы стали актрисой. Вы известны, популярны. Снадите, изменилось ли Ваше мнение о киногероине, отношении к ней по сравнению с первыми детскими представлениями о работе в кино? Это то, о чем мечтали?

— Видите ли, кино нынешнее и кино времени моего детства, конца сороковых — начала пятидесятых годов, вещи совершенно разные. Я воспитывалась тогда на фильмах с Мариной Ладыниной, и еще, что в них происходило, было мне очень близко по духу: «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки». Это были фильмы праздничные, оптимистичные, однако праздничные не тем, что нередко выдается за праздник современное кино и чем часто путает нынешних девочек. Их представления об этом искусстве полнятся какими-то мифами о вечном блестящем феерверке, бешеной популярности, красивой актерской жизни.

Ничего этого у меня не было. Фильмы того времени своей содержательностью, что ли, частью как раз не учили понимать искусство кино, они не толкали к легковесному восприятию, хотя, повторяю, были жизнерадостны, веселы. Я, сколько себя помню, никогда не стремилась в кино, чтобы обрести там жизненные наслаждения. Наоборот, мне эта профессия виделась, как и все другое, в труде, в тяжести, в преодолении преград. Словом, легкости я от кино как раз не ждала.

Я часто думаю: ну, откуда же такое легкое отношение к нашему делу, почему все видят нас в праздничном ореоле и не хотят увидеть на вокзалах, когда мы, опаздывая на съемки, договариваемся с проводниками, чтобы те пустили нас в поезд; когда мы переезжаем из одного города в другой, из гостиницы в аэропорт, из аэропорта — в гостиницу.

Может быть, мы сами неправильно пропагандируем свою профессию. Наверное, и это. Некоторые мои коллеги прямо-таки способствуют поддержанию вокруг себя атмосферы особого рода. Мне от этого очень не по себе. Мне не нравится праздное любопытство на улицах и в гостях. Все почему-то ждут, что я вдруг сейчас... запою или стану танцевать... Почему? Мне иногда очень не нравится наша профессия за то, что мы — на виду.

— Но, Людмила Васильевна, согласитесь, что многие люди тянутся к актерам не из праздности, а, наверное, потому, что искренне верят в то, что вы — актеры — несете с собой, где бы вы ни появлялись, праздник. Не праздность! Так называется и один из последних фильмов с Вашим участием — «Праздники детства». Праздник, наконец, категория эстетическая, одна из главных в актерском искусстве и особенно в том, школе которого принадле-

молодой мамы — и живет сейчас в городе своего детства Усть-Лабинске. Маленькая Василиса, которая сейчас у нее на руках, встречает приветливо, как бы понимая, что мама будет давать еще одно интервью, не мешая ей, а продолжает заниматься своими делами: наблюдать за бабушкой, копающей в огороде картошку, а потом за рыжей Мурной, распластавшейся на летней русской печке здесь же, на подворье Зайцевых.

Людмилу Васильевну помнят хорошо в Усть-Лабинске. Еще маленькой Люсей. И сколько помнят, всегда она хотела стать актрисой. Всегда вокруг боевой, отчаянной Люси, атамана соседних мальчишек и девчонок, витал дух представления, розыгрыша. С самого раннего детства, когда занавесом маленьким актерам служила натянутая мамина шаль, и заканчивая школьными годами с их непреклонными выступлениями на смоте художественной самодеятельности, Л. Зайцеву не покидала мысль работать в искусстве. Четыре года поступлений в театральное училище, и на пятый — победа.

Ну, а потом? Потом мы уже все увидели сами в кино.

жите Вы, — захтанговской.

И нет ли противоречия между тем, чему Вас учили в училище (театральной праздничности), и тем что Вы делаете сейчас в искусстве: воспеваете жизнь скорее скромную, вполне реальную, бытовую?

— Нет здесь противоречия. Любое искусство, независимо от актерской школы, если оно говорит о подлинном и рождено подлинным переживанием, является настоящим праздником. Думаю, мои героини, простые женщины, вполне способны заинтересовать людей своими драгоценными качествами, привлечь к себе внимание, поднять настроение человека, заставить ощутить этот праздник, как от встречи с чем-то хорошим и добрым.

Причем не боюсь остаться навечно в этом амплуа. Хочется, конечно, играть роли разные, совсем не похожие на те, которые были у меня в «Строговых» или «Цементе». Но что-то внутри говорит: «Не лезь, остановись, ты проиграешь». Я не очень понимаю актеров, которые говорят: играть надо все. Мне кажется, от этого тезиса идет не что иное, как рожженность. Смотришь иную актрису в роли колхозницы и видишь, что она никакого отношения к ней не имеет. Смотришь через год — она уже какая-нибудь фабричная девчонка — и опять неправда. А актриса продолжает дальше — ведь «играть надо все!»

Я счастлива, наверное, что у меня не было подобных метаний по экрану. Как-то очень рано и сразу поняла, что мне можно и что нельзя. Поняла это многие режиссеры, с которыми я работала в своих фильмах.

— Художественный результат того или иного произведения связан напрямую с личностью художника. Его создавшего. Кто из современных деятелей кино Вам близок по духу, по «составу ирвини»? Какому художнику Вы доверяете, как себе самой, безраздельно?

— Василий Шукшин. Впервые меня с ним свел его фильм «Печки-лавочки». Маленькая ролька была, но запомнилась мне. А вот недавно новая работа — «Праздники детства». В этой картине я сыграла мать Василия Макаровича Марию Сергеевну.

Есть в явлении Шукшина что-то необычайное, просто невероятное. И вот что странно: были до него хорошие актеры, сейчас есть и будет еще много. Но он, помимо примера чисто художественного, стал для меня еще и чем-то большим: жизненным уроком. Если бы он не работал в кино, был учителем, врачом, парикмахером, кем угодно, к нему бы все равно тянулись люди. Было у Шукшина такое обостренное чувство правды, такая обожженная совесть, так он умел переживать за людей, брать на свои плечи тяжелую миссию духовного исправления, совершенствования, облагораживания человека, что и сейчас, спу-

есть мы, кинематографисты, в таком случае должны учитывать возможное последствие. Как отзовется на тот или иной эпизод душа человека.

Помню как-то одна женщина благодарит меня за то, что я, якобы уберегла ее от недоброго поступка. Она хотела уйти от мужа, что-то сделать еще, но вдруг посмотрела фильм, и моя героиня отвратила ее от этого шага. Ну вы представляете? Я ни сном ни духом ни предполагала подобных эффектов. Это хорошо, что фильм помог выбрать правильное решение, а если нет? А если наоборот, — от того мужа бежать надо было бы, тогда как?

Словом, кино с его доступностью, с его, как выяснилось, авторитетом во многих жизненных вопросах, обязано крайне внимательно общаться с людьми, формировать под-

стоя столько лет, постоянно думаешь о нем, о его роли на нашей земле.

Читаешь его литературные произведения, смотришь его ленты: все вроде бы так просто у него, по быту, реально вполне... А вот поди ж ты, не кто-то, а именно он, Шукшин, пришел и своими малосенскими рассказами нас взбудоражил. Почему так отозвалась Россия в его произведениях?

Вот он и есть для меня пример личности художника, чье влияние распространено не только на узкопрофессиональную сферу, а гораздо шире — уходит в жизнь.

— Как Вы относитесь к тому, что некоторые киногерои становятся жизненными ориентирами для людей, особенно молодых, подражают им поступки, иногда дитуют стиль жизни, манеру поведения?

— Все зависит от того, каким героям подражать. Массовыми явлениями, чем-то большим, нежели только восприятие искусства, становились для людей 40—50-х годов Чапаев Бориса Бабочкина или Максим Бориса Чиркова. В этом была особенность исторического момента. Бывает и по-другому: девчонками мы мечтали о туфлях-лодочках, делали себе «бабетту», это все шло, конечно, от возраста и естественно завершилось. Мода есть мода, — от нее трудно было уберечься.

Тревожит меня другое: когда киновольно или невольно навязывает человеку мысль о том, что он должен обладать превосходством силы и уметь ею распорядиться в любой момент.

Меня поразили случаи, описанные в одной из наших центральных газет: трое подростков разорили сафари на какой-то железнодорожной станции, чтобы завладеть цветными стеклами и соорудить у себя дома цветомузыку, «как в фильме «Экипаж». Было бы нелепо обвинять режиссера А. Митту в том, что это он толкнул их на преступление своим фильмом. Но с другой стороны — вот, оказывается, как по-разному воспринимается искусство людьми. То

линные духовные ценности, воспитывать добрые чувства. Особенно у молодежи, для большинства которой кино, к сожалению, начинает и заканчивает эстетическую работу по формированию характера.

— А что в характере Вашего младшего современника Вас особенно тревожит? Что нравиться, а что не устраивает? Какой вообще, на Ваш взгляд, нынешний молодой человек — от восемнадцати и до тридцати?

— Может быть я буду категорична и ошибусь в оценках — ведь контакта непосредственного с молодежью у меня нет — но я все же скажу. Кажется мне, что как-то уж очень легко нынешним молодым. Не всегда ощущают они свою принадлежность к нашему народу, нашему прошлому, истории. Как бы на себе все замыкают. Во многих молодых современниках это есть.

Даже если судить по кино.

Ваша дочь Людмила Зайцева, актриса, режиссер, писатель, сценарист, продюсер, автор, режиссер, сценарист.

Людмила Зайцева

Слишком много сейчас появилось развлекательных фильмов. И молодежь их с радостью принимает. А вот серьезный проблемный кинематограф не принимают, отмахиваются: мол, устали от проблем, ничего подобное нас не волнует.

Вот это самое плохое — когда не волнует. Нужно, чтобы не переставали люди думать, чувствовать, и волноваться. Есть инфантилизм — как примета возраста (и с возрастом проходит), а есть — затяжная болезненная перестройка. Хочется, чтобы с возрастом приходило к юношам и девушкам мужание, чтобы не покидала их память о том, что вынес наш народ за свою историю.

Беседу вел
Александр КОЛЕСНИКОВ,
наш корр.
Фото автора и Ивана Журавлева.
Усть-Лабинск.